

Первый фотограф России любил людей и деревья

"ГОСПОДИН ЛЕСНИК, СЕЙЧАС ВЫЛЕТИТ ПТИЧКА!"

"Превосходная должность – быть на земле человеком; сколько видишь интересного, как мучительно сладко волнуется сердце в тихом восхищении перед красотой!"

(Максим Горький)

Его отец – лесной купец

Сейчас ему исполнилось бы 185 лет, а прожил наш герой на белом свете немногим более полувека. Зато многое успел; знал четыре языка, учился живописи в Академии художеств у замечательного художника, профессора Александра Брюллова – родного брата великого Карла Брюллова, поездил по миру, был знаком с выдающимися людьми. Но главное в его неординарной судьбе – фотография, пионером которой в России и стал этот человек.

Первым фотографом нашей державы оказался... шотландец Вильям Каррик. Правда, шотландец, надо сказать, сильно обрусевший, ибо отец и дед будущего "мастера негативов и короля позитивов" еще в XVIII веке приехали на Русь, пробуждавшуюся от спячки, чтобы торговать лесом. Обосновались купцы в Петербурге и Кронштадте, где и прошло детство мальчика.

В ту пору он узнал сотни "соленых" народных словечек; уяснил себе, почему идет на рынке "береза-матушка" и "дуб-батюшка"; зато английский порядком подзабыл. Пришлось родителям определить теряющего корни и плохо спикающего на "ридной мове" хлопца в специальный британский пансион, где способный к языкам Вильям заодно выучил и немецкий с французским.

Как полиглот, отрок подавал большие надежды, а вот в качестве бизнесмена был, мягко говоря, так себе. Ну, не лежала у него душа к "кубатуро-рублево-фунтовым" операциям! Книгам прихода и расхода он явно предпочитал мольберт и краски.

Мудрые "предки" не противились увлечению наследника, и вскоре Каррика-младшего приняли в Академию художеств. Затем отец, довольный успехами сына, дал ему денег на поездку в Рим – оттачивать Богом заложенные таланты у знаменитых итальянских живописцев.

Сблизившись с поразительно владеющими кистью гениями, Вильям критически оценил свои успехи и решил, что не сможет конкурировать с блестящими "маэстро" по части портретов, пейзажей, натюрмортов. Тогда он и начал искать собственный, доселе непроторенный путь к славе.

На голом месте

Вместе с матерью Каррик поехал на, так сказать, историческую родину, чтобы устроить младшего брата в медицинский колледж. В Лондоне тогда (в 1857 году) было свыше сотни фотографов, и он с интересом осматривал их работы.

Помните, у В. Маяковского: "Глазами жадными цапайте!"? Именно так "цапал" снимки Вильям. А чтобы добраться до самой сути и изучить нюансы, технику профессии, специально отправился постигать ремесло и "ощупывать

фотоаппараты" в Эдинбург к Джону Макгрегору, которого, кстати, и сманил перебраться вместе с ним на берега Невы, чтобы пропахать в России доселе нетронутую "фото-целину".

Сели новые друзья-коллеги на корабль, приплыли в Питер и открыли первое отечественное ателье на Малой Морской улице, где из "волшебной клетки" вылетала "птичка".

Парфразируя известное выражение "лиха беда – начало", можно сказать, что вначале и лиха, и беды хватало под самую завязку. Абсолютно не было подготовленных технических помощников; отсутствовал средний класс, который на Западе являлся главным заказчиком фотопортретов.

Ну, и, безусловно, огромная трудность заключалась в том, что солнце в ту пору являлось единственным источником света при съемке и проявлении снимков. А где взять дефицитное солнце в туманном, каменном Санкт-Петербурге? Редкий оно здесь гость – едва-едва сотню дней в году показывается на небосклоне. По этой причине всю зиму, да и осень тоже, приходилось, по-русски говоря, лапу сосать.

"Русские типы"

Зато в интенсивные месяцы от клиентов отбоя не было – и деньги текли рекой. "Князья и княгини, - пишет Каррик матери зимой 1864-го, - графы и графини, генералы и полковники с их дамами, ливрейные лакеи, горничные и поварихи – все приходят на нашу мансарду и по очереди позируют для портрета.

Пришел первым – обслуживается первым, со всеми я одинаково любезен и для всех стараюсь сделать все, что могу. Если я и делаю разницу, то, конечно, в пользу мужиков да баб, т.е. низшего и более бедного класса. Я обращаю на них больше внимания потому, что они больше нуждаются в нем, чем высокопоставленные и богатые".

Уникальные для того времени снимки простого народа, особенно колоритных мужиков, и стали главной работой Вильяма. Он назвал эту серию "Русские типы". И для ее пополнения стал выезжать, как мы сейчас говорим,

"в глубинку" – в деревни, на ярмарки, на пахоту, сбор урожая, сельские праздники.

Но особенно любил мастер отправляться в лесничества и создавать своего рода "репортажи" с лесопосадок, сплава бревен по реке. Был влюблен в деревья и при каждом удобном случае снимал их. "Лесная наследственность", возможно, все же в нем сказалась...

Немногое сохранилось из этого фотонаследства, но то, что не порушило время, особенно снимки, рожденные на Волге, впечатляют.

Делал Вильям и замечательные лесные, а также речные пейзажи, занимался репродукцией графики и живописи. Его маленькие шедевры продавались на Невском, в Москве, даже демонстрировались на международной выставке в Лондоне. Помогала рекламировать Каррику свои работы жена – Александра Маркелова. "Сашура" – так звал он любимую женщину – одну из редких дам, занимавшихся тогда журналистикой.

...В 1878 году летом Вильям побывал в Рыбинске, в Нижнем Новгороде, в чувашских деревнях, гостил у плотогонов, лесников. Той же зимой он умер от сильнейшей простуды: раздетый перебежал с мокрыми негативами из лаборатории на свою квартиру...

...Корнями из Шотландии был великий М. Лермонтов. Корнями из Шотландии был полузабытый В. Каррик. Один прожил совсем немного. Другой также не стал долгожителем. Но недаром говорил древнегреческий мыслитель, врач и естествоиспытатель Гиппократ: "Жизнь коротка, искусство вечно". А мастерская фотография – это тоже настоящее искусство!

Олег БОРИСОВ